

ЗД. ШТИБЕР

РОЛЬ ОТДЕЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛЬСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1

Польская народность начала формироваться рано, в начале пястовской феодальной монархии. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что уже в это время не были употребительны племенные названия, а термин «Ролупі» употреблялся для обозначения как малополян, так и великополян. Сознание известной обособленности дольше всего продолжало жить в Мазовье, Поморье и в Силезии, но это, возможно, было не столько результатом продолжения древних племенных традиций, сколько отражением разделения Польши в XII в. на феодальные княжества. После этого разделения Поморье вновь воссоединилось с остальной Польшей только во второй половине XV в., Мазовье — в XVI в., а Силезия только в XX в.

Проследить процесс образования польской народности на основе древних племен очень трудно, так как наши сведения об этих племенах весьма ограничены. Наиболее полные данные, относящиеся к Силезии, находим у так называемого Географа Баварского (IX в.), который выделяет на территории Силезии племена дзидошан, сленжан, ополян и голеншицев; на основе его данных перечисленные племена довольно легко локализовать на указанной территории. В документе императора Генриха IV (1086 г.) отражающем, несомненно, отношения племен в X в. в Силезии, кроме сленжан и дзидошицев (дзидошан), перечисляются также требовяне и бобряне; на основании этого документа нетрудно представить себе размещение этих племен в Нижней Силезии. В Хронике Титмара говорится о сленжанах и дзидошицах. Достоверными являются также упоминания о вислянах (живших в бассейне верхней Вислы) — не только приводимые у Географа Баварского, но и в Житии Мефодия и у Альфреда Великого — и о мазовшанах, известных хотя бы из Хроники Галла, из летописи Нестора и т. д. Упоминаемых у Географа *lendizi* до недавнего времени нередко отождествляли с первобытными полянами (в Великопольше), однако в последнее время все больше и больше распространяется точка зрения Г. Ловмянского¹, который отождествляет этих *lendizi* с *lendzaniŋoi* Константина Багрянородного, жившими в самой западной пограничной области Руси, и помещает это племя где-то около Сандомира.

Русская «Повесть временных лет» XII в. уже ничего не знает о вислянах и делит ляхов (распространение первоначального племенного названия *lendzjan* на всех «сехитов») на полян, поморян, мазовшан и лютичей (эти последние никогда не входили в состав польской народности). Таким образом, наиболее точные сведения о расселении древних польских племен

¹ См. H. Łowmiański, *Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich*, Warszawa, 1953, стр. 169, 341.

имеются только относительно Силезии. Название поляне вначале, несомненно, относилось к жителям позднейшей Великопольши, однако здесь мы имеем дело со столь обширной территорией и с таким большим количеством населения, что нельзя его сопоставлять с такими племенами, как сленжане или ополяне в Силезии. Несомненно, что поляне — это не одно какое-нибудь племя, а союз племен. Интересно отметить, что этого названия нет у Географа Баварского.

Границы племен, вероятно, не были постоянными, так как племена воевали между собой и отнимали друг у друга те или иные территории. Так, например, в чешской хронике Космы говорится, что в X в. князь лучан Властислав захватил у чехов часть их владений, построил там город и заселил его своими людьми. Таким образом, трудно говорить о каких-то «исконных» границах между племенами или, вернее, между мелкими феодальными объединениями, возникшими еще на племенных территориях¹.

Польские языковеды, а также историки вплоть до настоящего времени (по счастью, однако, все реже и реже) оперируют такими названиями племен, как лэнчицане и серадзане, которые ни в каких источниках не засвидетельствованы. В настоящее время мы уже знаем, что эти «племена» были просто напросто выдуманы одним из польских историков XIX в. Однако их долгое время считали исторической реальностью, предполагая, что существовавшие до разделов Польши Лэнчицкое и Серадзкое воеводства возникли именно на давних племенных территориях. В настоящее время мы уже знаем (см. работы С. Зайончковского²), что Лэнчицкая земля возникла только в начале XIII в., а Серадзкая земля выделилась из Лэнчицкой только в конце XIII в.

Вопрос о древних племенах, действительно существовавших и мнимых, необходимо было так детально осветить еще и потому, что многие наши ученые вплоть до настоящего времени сопоставляют границы распространения определенных диалектных фактов с границами давних племен. Те и другие границы часто принимались во внимание и в ходе дискуссии о происхождении польского литературного языка, к разбору которого я теперь перехожу.

2

В начале XX в. при разрешении данного вопроса преобладала точка зрения А. Брюкнера, согласно которой польский литературный язык возник в Кракове, являвшемся главным польским культурным центром как раз в то время, когда были написаны памятники средневекового польского языка. Другую точку зрения выдвинул А. Крыньский, который связывал возникновение польского литературного языка с Великопольшей — колыбелью польской государственности.

Во всей сложности проблему происхождения польского литературного языка впервые поставил в 1913 г. К. Нитш³, который изучал отношение польского литературного языка к диалектам двух важнейших территорий прясетовской Польши — Великопольской и Малопольской. При этом К. Нитш сравнивал лишь современное состояние диалектов с современным же состоянием языка образованных поляков и с некоторыми

¹ См. A. Gieysztor, *Geneza państwa polskiego w świetle nowych badań*, «Kwartalnik historyczny», r. LXI, № 1, 1954.

² S. Zajączkowski, *Studia nad terytorialnym formowaniem ziemi łeczyckiej i sieradzkiej*, Łódź, 1951.

³ K. Nitsch, *O wzajemnym stosunku gwar ludowych i języka literackiego*, «Język polski», 1, 1913, стр. 193 и сл.

данными слабо изученного в то время литературного языка XVI в., так как в период создания работы Нитша современные польские говоры были (благодаря деятельности самого К. Нитша) изучены относительно очень хорошо, а сведения о состоянии старопольского языка (до выхода в свет исторической грамматики Я. Лося) были очень скудными; о давних же польских диалектах подобные сведения почти отсутствовали.

К. Нитш показал, что польский литературный язык объединяется с великопольскими говорами и отличается от малопольских пятью важнейшими чертами, такими, как: 1) отсутствие мазуренья (совпадения рядов *sz, ź, cz, dź* и *s, z, c, dz* в один тип *s*); 2) отсутствие малопольской замены *-ch* на *-k* (например, *grzek, na górak*); 3) окраска и прежде всего распадение давних носовых гласных (*dump, dymby, pyńc, pōnty*, но *gyśi, vŷzac*); ср. в произношении образованных поляков *domp, demby, peńc, pōnty, gęsi, vŷzac*, тогда как в малопольских говорах *dop, dąby, pęc, pōty, gęsi, vŷzac* и т. д.); 4) окончания 1-го лица множественного числа *-my* (*idziemy, chodzimy*, тогда как на севере Малополюши — *idziewa, chodziwa*); наконец, 5) сохранение различия между окончаниями и суффиксами: *-ov-* после твердого согласного и *-ew-* после мягкого (это различие отмечено у некоторых писателей XVI в., а в настоящее время полностью сохранилось в говорах Великополюши).

Ближайшее сходство литературного языка с великопольскими говорами К. Нитш объяснял тем, что при великопольском дворе первых Пястов (Мешка I, Болеслава Храброго, в известной мере Мешка II) были реальные предпосылки для возникновения «высшего» типа некоего государственного разговорного языка, который впоследствии вместе с пястовской династией переместился в Краков и в последующие века послужил основой польского литературного языка. В принципе сопоставление языковых фактов с фактами истории польского государства и общества, предпринятое К. Нитшем, было правомерным и соответствующим уровню изученности необходимых материалов.

В настоящее время, когда мы не только хорошо знаем современные польские говоры (главным образом благодаря работам К. Нитша), но достаточно хорошо представляем себе и средневековые польские диалекты (благодаря прежде всего исследованиям В. Ташицкого и В. Курашкевича), когда и «нормальный» старопольский язык мы знаем значительно лучше, чем 40 лет назад, мы можем и должны пересмотреть в свете этих современных данных прежние аргументы К. Нитша в пользу «великопольского тезиса». Так, например, распределение по говорам форм 1-го лица множественного числа с окончанием *-my* или *-wa*, которое мы наблюдаем сейчас, не имело места в период формирования польского литературного языка. В XVI в., а отчасти еще и в XVII в. во всей Польше (и том числе и в Великопольше, и в Малополюши) во множественном числе употреблялись формы *idziemy, chodzimy*, а в двойственном числе — формы *idziewa, chodziwa*. Это положение сохранилось еще и после того, как во всей Польше уже безусловно образовался единый литературный язык, заметно отличавшийся от всех местных диалектов. Только после исчезновения в польском языке категории двойственного числа (примерно около 1600 г.) одни говоры сохранили в 1-м лице множественного числа окончание *-my*, а другие — окончание давнего двойственного числа *-wa*. Но еще и сейчас в северной Малополюше есть говоры, в которых форма *idziemy* (мн. число) употребляется параллельно с формой *idziewa* (дв. число). Что же касается различия окончаний и суффиксов *-ov-* и *-ew-* (например, в дат. падеже ед. числа *koniewi*, но *robakowi*), исчезнувшего в Малополюши в дописьменный период (путем обобщения *-ow-*), а в Великопольше сохранившегося до на-

стоящего времени, то мы знаем, что это различие было очень древним великопольским диалектизмом. Указанная черта не только не закрепи-лась в окончательно формировавшемся в XVI в. литературном языке, но ее уже тогда избегали писатели великопольского происхождения (хотя еще в конце XVI в. великополянин Мясковский рифмует *Jewy* и *liliewy* и т. п.); эта черта была утрачена и в говорах восточной Великопольши. В отношении ее литературный язык в процессе своего развития совпал с малопольским, а не с великопольским диалектом. Вопрос о мазуренье, о носовых гласных и о переходе *-ch* в *-k* мы рассмотрим ниже.

После первой мировой войны великопольский тезис К. Нитша был поколеблен историком Домбровским¹, который обратил внимание прежде всего на тот известный факт, что двор Пястов не был перенесен непосредственно из Великопольши в Краков; после переворота в начале XI в. из Германии в Краков прибыл после многолетнего изгнания Казимир Обновитель, но не с польским двором, которого у него не было, а с немецкими рыцарями, которых ему дал император. Брак Казимира с русской княжной был причиной того, что в середине XI в. в Вавеле слышалась скорее русская, чем великопольская речь. Во всяком случае великопольские языковые элементы, которые могли бы попасть в Краков с династией Пястов, не могли быть значительными. Обращали также внимание на старшинство Малопольши в области развития культуры Польши, хотя этот вопрос и остается дискуссионным.

В дальнейшем Нитш публикует статью «Из истории малопольского наречия»², объяснявшую современное состояние северномалопольских говоров (на север от Кракова) влиянием на давние малопольские говоры считавшегося лучшим великопольского диалекта. Наиболее интересным было объяснение происхождения типичного для современных северномалопольских говоров произношения без носовых гласных (типа *pẽta*, *m̃aka*). По мнению К. Нитша, также произношение возникло в результате воздействия «лучшего» великопольского произношения типа *pėta*, *mȧka* на более длительно сохранившиеся в Малопольше архаичное произношение типа *pȧta*, *mȧka*. Малополяне, усваивая великопольское произношение, не могли произносить носовое *ę* и заменяли его неносовым *e*. Таким путем возникло сначала произношение *pėta*, *zeby*, при сохранении *m̃aka*. Однако носовой *ą*, не имевший опоры в другом носовом, со временем исчез. Таким путем должно было возникнуть произношение *pẽta*, *m̃aka*. Гипотеза эта, несомненно, опиралась на серьезные основания. В ее пользу свидетельствовали многие малопольские рукописи XVI и XVII вв., в которых употреблялся знак *e* на месте носового гласного переднего ряда, но *ą* на месте носового гласного заднего ряда (типа *pẽta*, но *zab*), а также рифмы «сандомирских» поэтов, которые рифмовали, например, *biega* с *przysięga*, но вообще не рифмовали *ą* или *o* с *ą*.

Однако гипотеза К. Нитша, конечно, не является аксиомой. Принимая ее, мы тем самым должны будем отбросить утверждение сторонников великопольской теории о том, что распадение носовых перед смычными и аффрикатами является в Великопольше исконным. Ведь если великополяне в свое время говорили *zeby*, *pẽta*, то трудно понять, почему малополяне, у которых давно были группы *em*, *en* и т. д. (*ten*, твор. падеж ед. числа *domet* и т. д.), не перенимали произношения типа *zeby* без изменений, но изменяли его на тип *zeby*. И во всяком случае великопольское влияние не датировалось бы временем первых

¹ J. Dąbrowski, O kolebkę kultury polskiej, «Księga ku czci Brücknera», Kraków, 1928, стр. 21.

² K. Nitsch, Z historii narzecza małopolskiego, «Symbolae grammaticae in honorem J. Rozwadowski», II, Kraków, 1928, стр. 445—465.

Нитш, потому что, вне всякого сомнения, вплоть до позднего средневековья во всей Польше, кроме Поморья, носовые гласные произносились в основном одинаково¹. Следовательно, речь о подобном влиянии могла бы идти только начиная с XVI в. Но нужно помнить, что исчезновение носовых гласных (к вопросу о которых ниже мы еще вернемся) могло наметиться и в результате внутреннего развития северномалопольских говоров.

В той же статье К. Нитш рассматривает также вопрос о происхождении северномалопольского произношения *rsoda*, *rźódto*, объясняя возникновение этого явления тем, что малополяне, уже произносившие *šroda*, *žródto*, плохо усвоили великопольское произношение *środa*, *źródto*. Однако эта гипотеза не встретила такого положительного отклика, как гипотеза о происхождении произношения *peŕa*, *zap*. От себя добавлю, что тип *rsoda* мог возникнуть путем простой метатезы из *šroda*. Как показал именно К. Нитш, метатеза в польских говорах часто служит средством, при помощи которого устраняются трудные для произношения группы согласных. О том же, что группы типа *sr*, *zr* и т. д. представляют известные трудности для произношения, говорит большое количество примеров из всех славянских языков (чеш. *straka*, польск. диал. *seroka* <*sroka* и т. д.).

Подкреплением великопольского тезиса явились и статьи выдающегося финского слависта Е. Ниеминена, опубликованные в 1928, 1930 и 1931 гг., материалом для которых явились источники особого типа — написанные по-польски судебные присяги, включенные в протоколы судебных разбирательств (в целом написанных на латинском языке). Текст присяг выгодно отличается от текста памятников XIV—XV вв., целиком написанных по-польски, тем, что время и место его создания удастся определить очень точно, и тем, что он весьма близок к разговорному языку².

Е. Ниеминен доказал, что в средние века во всей Малопольше в местном падеже множественного числа существительных мужского рода употреблялись формы на *-och* (*krajoch*, *brzegoch*), в то время как в остальной Польше употреблялись формы на *-ech*. В XVI в. окончание *-och* в Малопольше исчезает; в этом факте видели доказательство великопольского влияния. Кроме того, Е. Ниеминен установил, что в конце XIV — начале XV в. в великопольских присягах везде господствует слово *trzymać* и союз *iz(e)*, тогда как в малопольских присягах того же периода постоянно употребляются *dzierżeć* и *eż(e)*. Со временем, однако, формы *trzymać* и *iz(e)* получают распространение и в Малопольше и уже в XVI в. становятся общепольскими. В данном случае мы имеем несомненные примеры распространения определенных великопольских форм на территории Малопольши. Однако эти факты относятся к XV и XVI вв. и тем самым не подтверждают первоначального тезиса К. Нитша о том, что великопольское влияние распространяется в Малопольше еще около 1000 г. н. э. Вместо этого они доказывают роль великопольского диалекта в формировании общепольского языка лишь в конце средних веков.

В 1931 г. в журнале «Lud Słowiański» появилась статья С. Роспонда³, в которой доказывалось, что на малопольскую и мазовецкую территории, имевшие первоначально тип топонимических названий на *-sk*, распростра-

¹ Не могу согласиться с мнением Курашкевича, высказанным им в очень ценной работе «Pochodzenie polskiego języka literackiego» (Wrocław, 1934).

² См: Е. Ниеминен, Polska końcówka *-och* w loc. pl. rzeczowników, «Symbolae grammaticae», II, стр. 381—388; его же, Beiträge zur historischen Dialektologie der polnischen Sprache, «Lud słowiański»; т. II, zesz. 1, А, 1931.

³ S. Rospond, Sufiksy *-sk* i *-sko* w nazwach miejscowych polskich do XVI w., «Lud słowiański», т. II, zesz. 2, А, 1931.

няется великопольский тип на *-sko* (*Kramsko*). Действительно, этот тип в XVI в. на какое-то время стал литературным. Например, Я. Кохановский (правда, в стихах) писал даже *Połocko*.

Казалось, что великопольский тезис является уже доказанным, хотя и в несколько измененном виде, потому что в послевоенных работах как самого К. Нитша, так и Е. Ниemiшена и С. Роспнда было установлено, что распространение некоторых великопольских элементов имело место только в конце средневековья и даже позже. Само собой разумеется, что поздняя экспансия не исключает более ранней, однако доказать существование последней становилось уже затруднительным.

С языковедческих позиций великопольский тезис был в 1931 г. «атакован» С. Шобером, доказывавшим, что мазуренье является поздней чертой, которой, несомненно, еще не было в раннем средневековье и которая поэтому также не могла отличать говоры Великопольши от Мало-польши. С. Шобер подчеркивал также малопольское происхождение окончаний *-owi*, *-owie* в литературном языке¹.

В том же году опубликовал свою статью М. Малэцкий², в которой он доказывал, что польское мазуренье не может восходить к праславянскому периоду, как это доказывали некоторые польские ученые (Бодуэн де Куртенэ, а позднее К. Нитш), но что оно могло возникнуть только после изменения польского *e* в *o* перед твердыми переднеязычными согласными (XI век?). Аргументы М. Малэцкого получили всеобщее признание; выдвинутые против них возражения, в случае их принятия, вообще подвергли бы сомнению метод относительной хронологии, без которого трудно себе представить сравнительную грамматику. Если принять, что мазуренье возникло самое раннее в XI в., то тем самым придется признать, что в эпоху первых Пястов в этом отношении не было никакой разницы между Великопольшей и Мало-польшей. Поэтому отсутствие мазуренья в польском литературном языке не может быть результатом великопольского влияния эпохи первых Пястов.

В. Ташицкий рассмотрел в своем двухтомном труде³ изменения начальных *ra* и *ja* в истории и в диалектах польского языка. Эта весьма основательная работа построена на исчерпывающем материале дописменной эпохи, т. е. в ней использован материал польских форм (главным образом, названий лиц и местностей) в древних латинских документах, а кроме того материал, извлеченный из присяг и из памятников, написанных на польском языке; весь этот материал сопоставляется с данными современных говоров. В. Ташицкий неопровержимо доказал тот факт (о котором догадывался уже Бодуэн де Куртенэ), что формы с изменением *ra-* в *re-* и *ja-* в *je-* характеризовали когда-то всю северную и центральную Польшу. Форм с *re-* не было только в Мало-польше и в Силезии, форм с *je-* — только в Мало-польше. Изменение *ra-* в *re-* засвидетельствовано в Великопольше уже в первой половине XII в. (Гнезненская булла). В том же XII в. засвидетельствовано оно и в поморских документах. Однако в последующий период в Великопольше отмечается тенденция к устранению форм с *re-* и *je-* и к замене их формами с *ra-* и *ja-*. Форм с *re-* и *je-* уже нет в таком литературном памятнике, как Гнезненские проповеди. Современные говоры Великопольши и центральной Польши тоже либо совсем, либо в значи-

¹ См. S. Szober, *Pochodzenie i rozwój polskiego języka literackiego*, Warszawa, 1931. Вопрос о суффиксах типа *-ev-* и *-ov-* впоследствии подробно рассмотрел В. Курашкевич в превосходной работе (см. W. Kuraszkiowicz, *Oboczność -'ev//-'ov w dawniej polszczyźnie i w dzisiejszych gwarach*, Wrocław, 1951).

² М. Małeckі, *Kilka uwag o chronologii i genezie mazurzenia*, «Prace filologiczne», t. XV, część 2, 1931, стр. 221—231.

³ W. Taszyccki, *Z dawnych podziałów dialektycznych języka polskiego, I i II*, Lwów, 1934.

тельной части утратили формы с *re-* и *je-*, которые были оттеснены на северную и северо-восточную окраину (область кашубов, далее Мазовье, Мазурщина, Вармия). Таким образом, здесь мы имеем неопровержимое доказательство победы южнопольского типа как в литературном языке, так и в великопольских говорах. Работы В. Ташицкого имеют такое большое значение потому, что в них мы имеем дело не с гипотезами, а с положениями, опирающимися на очень большой и доказательный материал.

Работы С. Шобера, а главным образом В. Ташицкого и М. Малэцкого ясно показали, что среди польских языковедов нет единой точки зрения на происхождение польского литературного языка. Намечалась, а порою становилась ожесточенной полемика между сторонниками великопольского и малопольского тезисов; эта полемика стимулировала, однако, наших ученых к тщательному изучению всех деталей, которые могли бы пролить свет на вопрос о первоначальных группировках польских диалектов и на их роль в формировании литературного языка. Выяснению состояния польских диалектов в средние века и в XVI в. способствовали главным образом работы В. Ташицкого и его противника В. Курашкевича. В настоящее время можно считать окончательно выясненным, что различия между этими диалектами были очень незначительными и что в языковом отношении вся Польша была монолитной. Великопольский диалект отличался от малопольского скорее отдельными частностями, чем характером всей системы в целом. Именно эта близость польских диалектов между собой и была одной из причин раннего формирования польской народности.

Ряд статей В. Ташицкого, опубликованных уже в недавние годы¹, был также направлен против великопольского тезиса. В. Ташицкий поочередно рассмотрел аргументы в пользу этого тезиса, — а именно, вопросы о мазуренье, изменении *-ch>-k* и о носовых гласных. В очень важной работе о мазуренье он методом относительной хронологии доказал позднее происхождение этого явления в Мазовье (по его мнению, оно возникло там не ранее XIV в., а в Малопольше появилось чуть ли не с XVII в.). Если его аргументы в пользу позднего происхождения малопольского мазуренья нельзя признать в полной мере убедительными, то во всяком случае они значительно колеблют нашу веру в то, что мазуренье уже в XV в. и даже раньше было широко распространено в Малопольше. Правда, при всем этом можно сомневаться, что данный вопрос когда-нибудь будет разрешен. Несомненное отсутствие мазуренья в некоторых малопольских памятниках рассматривается наиболее упорными «великополянами» как доказательство того, насколько сильно укоренилась в Малопольше норма, воспринятая из Великопольши. Удивляет только, что другие великопольские черты, которые гораздо легче было перенять (см. ниже и выше), в это же самое время совсем не были восприняты или же воспринимались очень медленно.

Здесь следует вспомнить, что факт неразличения свистящих и шипящих в части польских средневековых рукописей вовсе не свидетельствует о мазуренье в XV в. или раньше. Есть много старочешских рукописей, которые не различают на письме эти два ряда звуков, но тем не менее никто из этого не делает вывода о том, что в средневековом чешском языке было мазуренье.

В своей борьбе против тезиса о древности мазуренья В. Ташицкий не-

¹ См.: «Dawność tzw. mazurenia w języku polskim», Warszawa, 1949; «Dlaczego w wyrazach rodzinnych wszędzie jednakoż oznaczamy samogłoski nosowe...», «Język Polski», XXIX, 1949, стр. 62—67; «O małopolskich formach *grok* «groch», *na nogak* «na nogach», «Język polski», XXIX, 1949, стр. 195—202; наконец, «Geneza polskiego języka literackiego...», «Lingua posnaniensis», III, 1951, стр. 206—242 и т. д.

достаточно аргументированно опровергал мнение о том, что границы распространения мазуренья соответствуют «исконным племенным границам»; это представляется несколько странным, потому что при современном состоянии науки именно данный аргумент можно опровергнуть относительно легко. Бросается в глаза действительно поразительное совпадение между границей мазуренья и границей между великопольскими и куявскими воеводствами, существовавшими до раздела Польши, с одной стороны, и воеводствами лэнчицким, серадзким и плоцким (Мазовшье), с другой. Однако мы не имеем никакого права отождествлять эти границы, установленные в период раздробления Польши на феодальные княжества (с XIII до XIV, частично до XV вв.), с почти неизвестными нам границами племенных территорий, особенно с тех пор как мы узнали, что так называемые племена лэнчицан и серадзан являются совершенной фикцией и что Серадзкая земля возникла в конце XIII в., а ее границы определились около 1400 г. Граница между Мазовшьем и Куявами, вероятно, действительно была очень давней, но она сохраняла свое значение до XVI в., т. е. до вторичного воссоединения Мазовшья с Польшей. О границе мазуренья в Силезии можно говорить в связи с западной границей замены *-ch* на *-k* (см. ниже).

Благодаря В. Тапицкому мы узнали, что замена *-ch* на *-k* отражается в памятниках только в конце XV в. (правда, в последнее время обнаружены более ранние следы этого явления, но главным образом в мазовецких памятниках, что только затемняет картину). Нет соответствующей мены и в малопольских присягах конца XIV в., написанных безыскусственным языком; не выступает она и в названиях местностей, представленных в многочисленных документах XIII—XIV вв., написание которых вообще было слабо нормированным. Поэтому напрашивается простой вывод о том, что эта замена не вошла в литературный язык потому, что полностью реализовалась только тогда, когда процесс формирования последнего уже завершился и когда она уже отчетливо воспринималась как нарушающий норму диалектизм.

Главным аргументом К. Питна¹ в пользу древности изменения *-ch* в *-k* является соответствие границ этого явления границам давних польских областей, которые будто бы представляют собой одновременно племенные границы. Впрочем в настоящее время территория распространения *-k* из *-ch* значительно сократилась; при этом, что удивительно, ее западная граница, повидимому, удержалась без изменения. Граница эта совпадает с границей между серадзкой территорией и калишской (Великопольша), которая в своей южной части установилась только около 1400 г., т. е. тогда, когда память о древних племенах давно исчезла. Дальше на юг (на запад от Ченстохова) граница территории распространения *-k* из *-ch* проходит в соответствии с границей между Малополюшью и Силезией, актуальной вплоть до XX в. в качестве государственной границы сначала (с XIV в.) между Польшей и областями Свинционной Римской империи, а потом между Польшей (в составе России) и Пруссией. Однако на самом юге граница *-k* (впрочем так же, как и граница мазуренья) проходит не по восточной границе Силезии, установившейся в позднем средневековье, а по более ранней, существовавшей до XII в. и выделяющей Бытомскую землю на восток от Силезии. Из этого можно было бы сделать вывод, что граница изменения *-ch* в *-k* установилась перед переходом Бытомской земли от Малополюши (если употребление этого названия применительно к XII в. не является анахронизмом) к Силезии. Однако Бытом-

¹ См. K. N i t s c h, Najdawniejsza małopolska cecha dialektyczna, «Sprawozdania PAU» t. L, 1950, стр. 410—413.

ская земля вплоть до первой половины XIX в. входила в состав краковской, а не вроцлавской епархии, на что обратил внимание уже и К. Нитш. Разумеется, в XIX в. принадлежность эта была скорее формальной, но это не так уж очевидно и бесспорно, поскольку еще в XX в. часть Силезии, которая в средние века временно входила в состав Моравии, фактически оставалась в оломоуцской епархии, а не вроцлавской, несмотря на то, что от остальной части этой епархии ее издавна отделяла государственная граница, сперва прусско-австрийская, а потом немецко-чехословацкая. Вероятно, однако, что Бытомская земля в XIV в. полностью входила в краковскую епархию, о чем свидетельствует, например, биография епископа Нанкера, который родился в Бытоме, но образование получил в Кракове. Никого из историков не удивляет, что Нанкер сделался епископом краковским, однако является загадкой, каким образом он стал потом епископом вроцлавским. Весьма правдоподобно, что еще и в XV в. граница между краковской и вроцлавской епархиями в Силезии могла быть настолько актуальной, что именно она определила собой границу идущих с востока «мазуренья» и произношения *grzek, na rękak*.

Аргументу К. Нитша, касающемуся качества носовых гласных, о чем говорилось выше, В. Ташицкий противопоставил тот факт, что во второй половине XVI в. в типографиях установилось правописание, в котором совершенно отчетливо отражается произношение носовых гласных как таковых, т. е. именно малопольское произношение. Если бы в XVI в. великопольское произношение носовых гласных как сочетания гласных с носовыми согласными (типа *zemby, penta*) считалось бы лучшим, трудно было бы понять, почему вводили новый знак *ę*, вместо того чтобы приспособить уже имевшиеся написания с *en, em* и т. д. Аргумент этот можно считать доказательным лишь в том случае, если безоговорочно поверить в древность великопольского произношения носовых гласных как сочетания гласных с носовыми согласными. Однако можно сильно сомневаться в этой древности. Если, например, утверждали (Т. Лер-Сплавинский¹), что уже написания типа *Dambsko* в Гезненской булле свидетельствуют о факте распада носовых гласных, то нужно припомнить, что ведь никто не считает такие написания имен моравских и чешских властителей IX и X вв., как *Sventopulcus* и *Venceslaus*, аргументом в пользу утверждения, что прачешские носовые гласные перед смычными произносились как сочетание гласного с носовым согласным. Просто и тут и там мы имеем дело с неточным обозначением славянских звуков латинскими буквами. Тот факт, что великопольские намитники (Гезненские проповеди конца XIV в. и др.) последовательно употребляли знак *φ* для обозначения средневекового польского носового гласного, ясно свидетельствует против теории о глубокой древности процесса распада носовых в Великопольше. Но поскольку мы не знаем точно, как произносились носовые гласные в Великопольше и в Малопольше в период с XIV по XVI вв. (не показали этого также, по моему, и очень ценные в другом отношении работы В. Курашкевича²), то этот аргумент, по крайней мере в настоящее время, не может подкрепить ни великопольского, ни малопольского тезиса.

В исследованиях В. Ташицкого показано развитие и других диалектных различий в средние века и в XVI в. Оказалось, что сохранившийся до сегодняшнего дня тип прошедшего времени *bytech, bylichmy*, распространенный в настоящее время (*bytek*) в Малопольше примерно на той же территории, на которой распространено и изменение *-ch* в *-k*, и кроме того во всей

¹ Например, в книге: T. Lehr-Splawinski, «Szkice z dziejów rozwoju kultury języka polskiego», Lwów, 1938, стр. 56.

² «Studia nad polskimi samogłoskami nosowymi» (Kraków, PAU, 1932) и «Pochodzenie polskiego języka literackiego» (см. выше).

Силезии, тоже возник в конце XV в. как совершенно определенная южно-польская черта¹. В. Ташицкий показал, кроме того, что изменение *chw-* в *f* (*fata, fila*), характерное прежде всего для Малопольши и Мазовья, отмечено уже для конца XII в.; тем самым он обратил внимание на то, что в этом случае в литературном языке победила норма, соответствующая великопольскому, а не малопольскому произношению².

Много интересных подробностей, относящихся к древним польским диалектам, содержит исследование В. Курашкевича³. Например, он первый указал на то, что форма винительного падежа единственного числа *go, jego* вместо древнего *ji* впервые возникла в Великопольше и оттуда вошла в литературный язык. Другое дело, что употребление форм *go, jego* в родительном падеже могло возникнуть путем внутреннего развития в Малопольше несколько позднее, чем в Великопольше. Вопросам внутреннего развития языка в наших дискуссиях о литературном языке уделяется мало внимания.

Некоторые данные для рассмотрения вопроса дали также работы моих учеников по Лодзинскому университету, а именно И. Винклерувны⁴ и В. Смеха⁵. В работе Винклерувны показано, как исчезают в письменных памятниках севернопольские нестяженные формы глаголов типа *stojąc, bojąc się*, полностью сохранившиеся до настоящего времени в говорах всей северной Польши (вместе с центром Великопольши), уступая место стяженным формам, типичным для Польши южной. Другая (еще не опубликованная) работа Винклерувны показывает, что форма прилагательных на *-isty*, характерная для говоров Малопольши (и Мазовья) и в настоящее время единственно продуктивная в литературном языке, очень рано одержала победу и в памятниках письменности XVI в. уже стала единственно нормативной (кроме нескольких окостеневших форм), хотя в Великопольше вплоть до настоящего времени господствуют формы на *-ity* (*kamienity, wodnity*). Обе эти работы указывают, следовательно, на малопольские элементы в литературном языке.

В работе В. Смеха доказывается, что в XV в. в Великопольше господствовали архаичнейшие формы *śrzoda, źródło, uźrał*, тогда как в Малопольше в это же время говорили *środa, źródło, uźrał*. В начале XVI в. в краковских типографиях устанавливается написание *sz, zsz*, которое соответствует великопольскому произношению и которое становится обязательным вплоть до начала XIX в., хотя малополяне продолжали говорить *środa, źródło, uźrał* или, возможно, также (в областях на север от Кракова) *řsoda, řródło, uřrał*. О дальнейших судьбах указанных форм см. ниже. В этом случае, следовательно, победила норма, совпадающая с великопольским диалектом, хотя (о чем не следует забывать) совпадающая также и с давним малопольским состоянием (примерно, около 1400 г.), представленным, например, таким важным памятником конца XIV в., как Флорианская псалтырь.

Наконец, В. Ташицкий обратил внимание на тот факт, что в XIV—XV вв. малопольские памятники различают формы под ударением *mię, cię, się* и энклитические формы *mie, cie, sie*, тогда как великопольские во всех случаях употребляют *mię, cię, się*. Различение обоих типов при-

¹ См. W. Taszycki, *Staropolskie formy czasu przeszłego robilech, lobilichmy*, «Sprawozdania PAU» t. XLVII, 1946, стр. 7.

² См. его же, *Przejście chw = f w staropolszczyźnie*, «Sprawozdania PAU», t. XLVIII, 1947, стр. 40—45.

³ «Pochodzenie polskiego języka literackiego», стр. 109.

⁴ I. Winklerówna, *Ściągnięte i nieściągnięte formy słów stać i bać się*, «Język polski», XXXI, 1951, стр. 29—32.

⁵ W. Smiech, *Rozwój historyczny polskich grup spółgłoskowych *sʹ, *zʹ, *żʹ*, Łódź, 1953.

вилось в известной мере и в печати XVI в., однако не в такой степени, чтобы можно было говорить о победе малопольского типа. Впрочем вопрос об отсутствии в Великопольше форм *mie*, *cie*, *sie* еще не выяснен окончательно¹.

Исследования В. Ташицкого и В. Курашкевича дают достаточно определенную характеристику польских диалектов в средние века и в XVI в. и показывают роль разных диалектных элементов в литературном языке, который в половине XVI в. был уже единообразным. Результаты названных исследований весьма несовершенным образом можно представить в виде следующей таблицы:

Великопольша	Малопольша	Черты, преобладающие в литературном языке XVI в.
1) отсутствие мазуренья	мазуренья	отсутствие мазуренья
2) сохранение <i>-ch</i>	<i>-k</i> из <i>-ch</i>	сохранение <i>-ch</i>
3) <i>re-</i> , <i>je-</i> из <i>ra-</i> , <i>ja-</i>	<i>ra-</i> , <i>ja-</i>	<i>ra-</i> , <i>ja-</i>
4) <i>chw</i>	<i>f</i> из <i>chw</i>	<i>chw</i>
5) формы типа <i>chołm</i>	формы типа <i>shelm</i>	формы типа <i>chetm</i>
6) формы типа <i>szroda</i> , <i>źródło</i> , <i>uźrzat</i>	формы типа <i>środa</i> , <i>źródło</i> , <i>uźrat</i>	формы типа <i>środa</i> , <i>źródło</i> , <i>uźrzat</i>
7) нестяженные глагольные формы <i>bojał się</i> , <i>stojat</i> и под.	стяженные формы <i>bał się</i> , <i>stał</i> и под.	стяженные формы <i>bał się</i> , <i>stał</i> и под.
8) только формы <i>mię</i> , <i>cię</i> , <i>się</i>	<i>mie</i> , <i>cie</i> , <i>sie</i> параллельно с <i>mię</i> , <i>cię</i> , <i>się</i>	<i>mie</i> , <i>cie</i> , <i>sie</i> параллельно с <i>mię</i> , <i>cię</i> , <i>się</i>
9) окончание местн. падежа мн. числа <i>-ech</i> существ. муж. и ср. рода	окончания <i>-och</i> и <i>-ech</i>	окончание местн. падежа мн. числа существ. муж. и ср. рода <i>-ech</i>
10) суффикс и окончание <i>-ov-</i> после твердых согласных, <i>-ev-</i> — после мягких	только суффикс и окончание <i>-ov-</i>	только суффикс и окончание <i>-ov-</i>
11) формы глаголов прош. времени типа <i>byłem</i> > <i>bytem</i>	параллельно с <i>byłem</i> формы типа <i>bytech</i>	формы глаголов прош. времени типа <i>byłem</i> > <i>bytem</i>
12) вин. падеж <i>go</i> , <i>jego</i>	вин. падеж <i>ji</i>	вин. падеж <i>go</i> , <i>jego</i>
13) формы типа <i>domk</i> , <i>krostawc</i>	формы типа <i>domek</i> , <i>krostawiec</i>	формы типа <i>domek</i> , <i>krostawiec</i>
14) суффикс <i>-ity</i>	суффикс <i>-isty</i>	суффикс <i>-isty</i>
15) тип топонимических названий на <i>-sko</i>	тип топонимических названий на <i>-sk</i>	тип топонимических названий на <i>-sko</i>
16) тип топонимических названий на <i>-ino</i>	тип топонимических названий на <i>-in</i>	тип топонимических названий на <i>-in</i>
17) отдельные формы, слова или их разновидности		
а) <i>trzymać</i>	<i>dzierźćć</i>	<i>trzymać</i>
б) <i>iż(e)</i>	<i>cz(e)</i>	<i>iż(e)</i>
в) <i>siet(e)m</i>	<i>sied(e)m</i>	<i>sied(e)m</i>
г) <i>południe</i>	<i>polednie</i>	<i>południe</i>
д) <i>wuj</i>	<i>uj</i>	<i>wuj</i>

¹ Ср. W. Kuraszkievicz, Pochodzenie..., стр. 39—49.

О большинстве упомянутых в этой таблице черт мы уже говорили выше при рассмотрении отдельных работ сторонников обеих теорий. По поводу остальных уместно сделать некоторые замечания.

1. К пункту 5. Различным рефлексам сонанта *l* в южных говорах и в литературном языке (*il, el, lu, ol*) соответствует в западнолехитских (поморско-полабских) говорах единый рефлекс *ol*. Следы такой рефлексации вплоть до настоящего времени сохраняются достаточно отчетливо, с одной стороны, у кашубов, с другой — в Мазовье [ср. мазовецкие *wiotna, piott, miott* вместо *wetna* и т. д., старомазовецкие (XVI в.) *piołny*, название местности *Puttusk*, раньше *Pottowsk* и т. д.]. Также, например, в Гнезненской булле для обозначения местности в Западной Польше вместо формы *Chetm*, соответствующей современной норме литературного языка, дважды употреблена форма *Chołm*; рядом упоминается имя *Długota* вместо ожидаемого *Długota*. В соседней Лэнчицкой области употреблялась форма *piołnić* или *potnić*, которую К. Нитш давно нашел в лэнчицких присягах. В настоящее время в Великопольше рефлекс *l* целиком соответствует южнопольским, которые полностью господствуют в литературном языке.

2. К пункту 9. Упомянутое окончание *-och* исчезает в печатных текстах, относящихся к периоду после Н. Рея. Однако нужно отметить, что это окончание вытесняется не столько окончанием *-ech*, ранее повсеместно распространенным в Великопольше, сколько окончанием *-ach*, которое возникло в результате аналогии с основами на *-a* и вытеснило во всей Польше как окончания *-ech*, так и окончания *-och*. Поэтому факт исчезновения окончания *-och* нужно очень осторожно привлекать в качестве аргумента в пользу тезиса о влиянии (разумеется, очень позднем) говоров Великопольши на литературный язык.

3. К пункту 13. Формы типа *domk, krostawc*, род. падеж мн. числа *żonk*, несомненно, были распространены в прошлом (уже в XII в.) во всей северной Польше¹. По всей вероятности, польская территория, на которой были известны формы этого типа, соединялась когда-то с лужицкой, где и до настоящего времени господствуют формы типа *započalk, końc* и т. п. Однако несомненно, что под воздействием южнопольских диалектов формы типа *domek, koniec* проникают не только в литературный язык, но и в севернопольские говоры, где формы типа *końc* сохранились только как реликты. И лишь в центре и на северо-кашубской земле эти формы актуальны вплоть до сегодняшнего дня.

4. К пункту 16. Как показано в еще не опубликованной работе В. Манчака (которая мне известна по рукописи), тип топонимических названий на *-ino* (*Smoldzino, Przetoczyno*) был когда-то характерен для всей северной Польши и отличал ее от южной, где господствовал тип на *-in* (*Korczyn, Krzęcin*). В настоящее время названия на *-ino* сохранились только у кашубов; дальше на юг суффикс *-ino* был вытеснен новым *-in*. Здесь опять очевидно влияние говоров южной территории, которое было гораздо более значительным, чем влияние Великопольши в случае распространения типа *Kramsko*. Тип *Kramsko* никогда не побеждал в центральной и южной Польше (ср. такие названия, как *Skulsk, Łask, Kamińsk, Zagńansk, Lutomiersk*, которые до сегодняшнего дня являются официальными), а тем более в Мазовье (*Czersk, Płock, Płońsk, Puttusk, Serock* и т. д.).

5. К пункту 17. Мы уже говорили о распространении в средние века великопольских *trzymać* и *iz(e)*. Сюда можно присоединить и литератур-

¹ См. W. Ta s z y c k i, *Dwa rozdziały z historycznej dialektologii polskiej*, «Sprawozdania PAU», t. XLVIII, 1947, стр. 311.

ную форму *wuj*¹, повидимому великопольского происхождения, а также великопольскую форму *potudnie*, вытеснившую форму *polednie*, которая не вошла в литературный язык, хотя до сегодняшнего дня занимает значительную часть территории Малопольши. Но, с другой стороны, В. Курашкевич² указал на тот факт, что форма *sietem* (с интересным архаичным *i*) часто встречалась не только в Мазовье, но также и в Великопольше, хотя в последней она была засвидетельствована реже. В настоящее время формы этого слова с *i* можно встретить лишь на северных окраинах Польши, т. е. в Мазуршине, Вармии и на севере Кашубской области. По всей вероятности, в данном случае южнопольское *sied(e)m* вытеснило севернопольско-поморское *siet(e)m*.

Все вышесказанное дает основание утверждать, что польский литературный язык, который постепенно формировался на протяжении XIV и XV вв. и окончательно сформировался в XVI в. (как в принципе единообразный, хотя, конечно, развивающийся и испытывающий различные внешние влияния), возник путем слияния в одно органическое целое элементов различных польских диалектов и — прежде всего — великопольского и малопольского. Роль других диалектов, если она и сказывалась уже тогда в процессе формирования общепольского языка, выражалась лишь в поддержке или малопольских, или великопольских элементов. Например, под влиянием говоров Мазовья, Куявы, возможно, также и Силезии в общепольском языке исчезало малопольское *-k<-ch*; с другой стороны, под влиянием говоров Мазовья и Малопольши все реже встречался великопольский суффикс *-isty* и т. д. Как видно из вышеприведенной таблицы, великопольские и малопольские черты в литературном языке находятся в относительном равновесии.

Правда, не следует забывать, что часть особенностей, имеющих соответствия в великопольском диалекте, — это архаизмы (вероятно, возникшие не раньше XIII в., а иногда и более ранние), общие всей Польше (отсутствие мазуренья, отсутствие *-k<-ch*, формы типа *szroda*, формы типа *byłesm > byłem*). Однако эти архаизмы, по всей вероятности, не сохранились бы в литературном языке, если бы они исчезли в обеих главных областях пясковской Польши. То обстоятельство, что они удерживались в диалекте такой важной области, какой всегда была Великопольша, несомненно, увеличивало их престиж и на территории Малопольши.

Великопольские элементы распространялись в XV и XVI в., несомненно, при посредничестве Кракова. Для того чтобы представить себе пути этого влияния, нужно вспомнить, что представлял собой в то время краковский центр. Еще в XV в. высший слой краковских горожан был скорее немецким, а городские низы, польские или ополяченные, естественно, не могли играть большой роли в формировании литературного языка. Королевский двор, при котором находилось много образованных людей, состоял из уроженцев разных частей государства. В Ягеллонском университете большой процент докторов происходил из Великопольши или из прилегающих к ней территорий. Наиболее интересными являются данные о происхождении студентов этого университета в 1505—1515 гг. В еще не опубликованном исследовании магистра Карплюковны (Краков) говорится, что в то время в Кракове обучалось гораздо больше великополян и куявян, чем малополян. В связи с этим в самом значительном польском культурном центре великопольский диалект звучал чаще, чем малопольский. Это не могло не иметь последствий. Излишне говорить, что такой

¹ A. Obrębska, Stryj, wuj i swak, Kraków, PAU, 1929.

² W. Kuraszkiewicz, Pomorsko-mazowiecki liczebnik *siet(e)m*, «Rocznik Zakładu narodowego imienia Ossolińskich», t. III, 1948.

большой наплыв великополян в Кракове являлся результатом экономической мощи Великопольши, значение которой всегда было велико. Над жителями и говором Великопольши никто не насмеялся, как, например, над бедным Мазовшьем. Что представляла собой «экономическая мощь» Великопольши в деталях — могут высенить только историки (если они не опровергнут этой точки зрения).

Во время дискуссии на «Сессии Возрождения» Польской Академии наук в 1953 г. историки обратили внимание еще на два обстоятельства, которые могли усилить языковое влияние Великопольши. Первое — более быстрый процесс колонизации немцев-горожан в Познани, чем в Кракове; поэтому в кругах горожан, которые, несомненно, принимали активное участие в формировании литературного языка (печатное дело), лучшим должен был считаться скорее познанский польский язык, чем краковский. Второе — значительное гуситское движение в Великопольше и Куявах в XV в. При помощи гуситских листовок (тщательно, впрочем, уничтожаемых католическим духовенством) в Малопольше распространялись тексты, в языке которых были очень сильны великопольские элементы.

3

Прежде чем перейти к рассмотрению роли уроженцев Силезии в Кракове и к очень важной роли печатников, сначала краковских, потом также и крелевецких, нужно сказать несколько слов о внешнем факторе, который тоже участвовал в процессе формирования польского литературного языка, а именно — о влиянии чешского языка. Сильное влияние чешского языка на польский ни у кого не вызывало сомнений, однако размеры этого влияния, несомненно, были в прошлом преувеличены. В разные эпохи поляки заимствовали много чешских слов — таких, как *wnet* (*hned*), *uprzejmy* (*upřímý*), *obywatel*, *rzetelny* (*zřetelný*), или изменили ряд польских слов на чешский образец (*wesele*, *serce*, *czzerwony* вместо *wiesiele*, *sierce*, *czzerwiony*; *hanba*, *hardy* вместо *ganba*, *gardy* и т. д.). Но мы не можем с большей или меньшей уверенностью указать ни одной черты (фонетической, морфологической или словообразовательной) с теми же чешского языка, которая была бы приспирята польским языком.

Некоторое влияние чешского языка могло иметь место в диалектах южной Польши уже в период промышленного усиления роли Великоморавского государства в бассейне верхней Вислы. Однако следы несомненного влияния датируются концом X и началом XI вв., т. е. периодом введения в Польше христианства и одновременно оживившихся польско-чешских отношений как мирного, так и военного характера. Работа Е. Клича «Польская христианская терминология»¹ ясно показала, что в указанное время в польском языке появляется масса славянских и пославянских слов, относящихся именно к этой терминологии и предварительно подвергшихся переделке на чешский лад. Впрочем эти слова скоро подверглись полной фонетической колонизации, так что в настоящее время в них уже трудно узнать заимствования (*kościół* < чеш. *kostel* < лат. *castellum*; *dziekan* < чеш. *dekán* < лат. *decanus* и т. д.).

Позднее чешское влияние на польский язык слабее. Когда речь идет о городской или рыцарско-феодальной жизни, то и в самой Чехии употребляется терминология главным образом немецкого происхождения. Торговые отношения между Польшей и Чехией тоже способствуют заимствованию германизмов, на которых, впрочем, заметно влияние чешского посредничества (ср. польск. *hrabia*, чеш. *hrabě* < нем. *gravió* и т. д.). На тот факт,

¹ Е. Клич, *Polska terminologia chrześcijańska*, Poznań, 1927.

что чешский язык явился посредником в передаче польскому языку немецких языковых элементов, обратил внимание еще А. Ключковский¹. Усиление чисто чешского влияния на польский язык вновь наблюдается во второй половине XIV в., в период высокого расцвета чешской культуры и начала расцвета культуры польской (Казимир Великий).

Когда в 1348 г. в Праге был основан первый в средней Европе университет, в нем вскоре появилось столько польских студентов, что они там образовали отдельную польскую «нацию». Питомцы Карлова университета возвращаются потом преимущественно в Польшу; из их числа и формируется первый состав профессоров восстановленного в 1400 г. Краковского университета. Они же, несомненно, привозят в Польшу многочисленные чешские рукописи. Таким образом, только в XV в., благодаря распространению письменности в Польше, начинает усиливаться чешское влияние. Памятники XIV в., такие, как Свентокжизские проповеди, Флорианская псалтырь, Гезненские проповеди, почти не имеют несомненных новейших чехизмов, тогда как их очень много в Библии Софии (половина XV в.), в последних частях Флорианской псалтыри (с XV в.) и в других памятниках XV в.

Распространению чехизмов в Польше, вероятно, немало способствовали великопольско-куявские гуситы, которые поддерживали оживленные сношения с Чехией и, наверное, пользовались списками чешских гуситских произведений или их переводами. Чехизмы памятников этого периода не являются, впрочем, постоянными у каждого писца или переводчика. Этот период можно назвать «периодом мимолетных чехизмов». Постоянные чехизмы определяются скорее в конце XV и в начале XVI в. В это время на польском письменном языке начинает сказываться влияние чешских печатных текстов. Нужно помнить, что до 1500 г. было напечатано 25 чешских книг, тогда как первая печатная польская книга появилась в 1514 г. Влияние чешских печатных текстов возросло в XVI в. не только потому, что этих текстов стало больше по количеству, но и потому, что среди них преобладали книги Чешских братьев, которые были особенно близки многочисленным в то время польским протестантам.

Знакомству с чешским языком в Польше в известной степени способствовала изданная в 1533 г. чешская грамматика (Оптата, Гзела и Филоматеза). Евангелие-апракос Малецкого (1527 г.?) пестрит чехизмами. Однако в позднейший, королевский, период своей типографской деятельности Малецкий употреблял значительно меньше чехизмов, хотя его почтительное отношение к чешскому языку нисколько не уменьшается. Но теперь он рассматривает чешский язык в качестве арбитра в тех случаях, когда друг с другом конкурируют две польские формы — старая или новая, а также формы, происходящие из разных диалектов. Так, например, он рекомендует форму родительного падежа единственного числа существительного женского рода *krześcijan*, а не *krześcijańskiej*, потому что первая форма сходна с чешской (*křestjanské*). Ведь, по мнению Малецкого, «lingua polonica ex lingua bohemica orta est» «польский язык ведет свое происхождение от чешского языка» и «lingua polonica ex lingua bohemica corrigi (quantum licet ac fieri potest) et restitui debet» «польский язык (в той мере, в какой это возможно и прилично) должен исправляться и восстанавливаться при помощи чешского языка». В другом месте Малецкий пишет: «Scias neminem unquam litteras sacras in linguam polonicam vere ac proprie vertere posse sine adminiculo linguae bohemicae et sacrarum litterarum lingua bohemica editarum» «никто и никогда не может знать и особенно хорошо переводить на польский язык священное писание без

¹ А. К л е c z k o w s k i, *Wyrazy niemieckie w staroczeskim i staropolskim, «Symbolae grammaticae», II, стр. 331—345.*

помощи чешского языка и изданного на чешском языке священного писания», а также «*nemo vere ac proprie polonice loqui nescit nisi bohemicæ linguæ non ignarus fuerit*» «никто верно не говорит по-польски, если не знает чешского языка». Однако, несмотря на такой культ чешского языка, Малецкий в позднейший период не вводил большого количества чехизмов, но, как указывалось выше, лишь пропагандировал польские формы, сходные с чешскими. Повидимому, так же поступали и другие писатели, а особенно печатники, тоже рассматривавшие чешский язык в качестве арбитра между конкурирующими польскими формами.

Если мы теперь вернемся к нашей таблице, то увидим, что в литературный язык вошли лишь те великопольские или малопольские формы, которые были сходны с чешскими. Ср. такие великопольские черты, как отсутствие мазуренья, сохранение *-ch*, формы типа *źródło, użrzał*, ст.-чеш. *zřiedlo, užřel*, тип топонимических названий на *-sko*, сохранение *chw* и такие малопольские, как стяженные формы *stać, bac się*, сохранение *ra-* и по большей части *ja-*, суффикс и окончание *-ov-* после твердых и мягких согласных, формы типа *domek, koniec*, тип топонимических названий на *-in*. Скорее исключением можно считать тот факт, что суффикс *-isty* побеждает в польском языке вопреки великопольскому и чешскому *-ity* или что великопольские *trzymać, iż(e), południe* вытеснили малопольские, сходные с чешскими *ez(e), dzierżeć, połednie*. Впрочем в трех последних случаях речь идет только об отдельных словах, которые начали восприниматься как общепольские еще до усиления чешского влияния в XV в. (ср. Свентокжизские проповеди и Флорианскую псалтырь).

Росту и без того высокого авторитета чешского языка могли способствовать в Кракове и уроженцы Силезии, которых было много как среди студентов, так и среди печатников. В упоминавшейся работе Карплюкувны показано, что в 1505—1515 гг. в Кракове обучалось около 400 студентов из вроцлавской епархии. Много было уроженцев Силезии и среди краковских печатников. Роль чешского языка в Силезии была очень велика; в Заторской и Освенцимской земле, которые временно находились в составе Силезии, через сто лет после их присоединения к Польше судебные книги писались еще по-чешски. Поэтому несомненно, что уроженцам Силезии лучшими казались те формы, которые напоминали чешские.

Как известно, много чехизмов употреблял и Рей, а также его современники¹.

Во второй половине XVI в. чешское влияние понемногу ослабевает и, наконец, совсем прекращается в конце этого столетия. Лука Гурницкий в «*Dworzaninie*» (1566 г.) высказывается скорее против излишнего употребления ненужных чехизмов. Тем не менее он с большим уважением отзывается о чешском языке. Один из персонажей его произведения говорит: «*Pomnę ja, kiedy u dworu takiego mówcy chwaloно kłógu w swą rzecz najwięcej czeszczyzny mieszał*» «Помню я, когда при дворе хвалили такого оратора, который больше всего примешивал в свою речь чешских слов». Но говорит он об этом уже в прошедшем времени.

Итак, структура польского языка, на котором писал Ян Кохановский, или, точнее, на котором его печатали издатели, возникла на основе диалектов Польши Казимира Великого с двумя главными центрами этой монархии, под известным воздействием чешского языка в роли арбитра при выборе тех или иных форм и при известной тенденции к сохранению архаизмов, по крайней мере в области фонетики.

¹ См., например, W. T a s z u c k i, *Czechizmy w języku Reja*, «*Prace filologiczne*», t. XII, 1927.

Сформировавшийся таким путем язык был, однако, прежде всего языком письменным, а не устным. Нужно особо подчеркнуть, что в Польше унификация письменного языка опередила унификацию устного языка образованных людей. Как признано теперь всеми, это было следствием того, что унификация письменного языка была окончательно завершена в XVI в. печатниками (прежде всего, краковскими). Эти печатники изменяли язык рукописей не только Рея, но и Кохановского, заменяя, например, *środa* на *śrzoda*, вводя «литературный» тип носовых гласных и т. д.¹ Возможно, что, подобно немецким печатникам, эти польские печатники собирались на какие-нибудь совещания, где устанавливались языковые нормы и нормы правописания, признаваемые правильными. Печатная книга, проникая во все уголки страны, способствовала распространению влияния правильных форм и особенностей на разговорную речь образованных людей. Но еще долго рукописи этих образованных людей будут отличаться от печатных текстов большим количеством диалектизмов.

Вполне понятно, что польский литературный язык и формирующаяся под его влиянием устная речь продолжали развиваться. Развитие это состояло не только в увеличении запаса слов, относящихся к различным областям знания, и в развитии фразеологии, в установлении синтаксических правил (впрочем, преимущественно под влиянием латинского языка), но также и в том, что язык впитывал известные диалектные и иноязычные элементы, главным образом восточнославянские.

Со времени перенесения столицы Польши в Варшаву постепенно начинают давать себя знать и мазовецкие черты, уже довольно отчетливо прослеживаемые в польско-латинско-греческом словаре Кнапиуса (автор родом из Мазовшья; 1-е изд. — 1624 г., 2-е — 1648 г.); кое-что встречается у Скарги, а позднее (XVIII в.) — в словаре Тротца.

Вопрос о мазовецких элементах в современном литературном языке не является простым и, собственно говоря, до сих пор не исследован. Несомненно одно: литературный язык и до сегодняшнего дня в основном сохранил свой давний великопольско-малопольский характер. Мазовецкие элементы представлены в нем очень слабо. В самой Варшаве (К. Нитш) эти элементы всегда отступают перед общепольскими, немазовецкого происхождения. Бесспорно мазовецкому влиянию можно приписать устранение из правописания — и тем самым из «идеального» произношения — форм типа *śrzoda*, *źródło* и сохранение написания и произношения *ujrzał*, *wyjrzał* (из прежних *uźrzał*, *wyźrzał*), что соответствовало произношению населения Варшавы и ее окрестностей; ср. упомянутую выше работу В. Смеха. Давно уже К. Нитш указал на мазовецкое происхождение многократных форм типа *podskakiwać*, *zawijazywać*; народные говоры юго-западной Польши до сегодняшнего дня сохранили старые формы типа *podskakować*, *zawięzować*. Мазовецкого происхождения и такие слова и обороты литературного языка, как *chaber*, *zsiadłe mleko*, *murawa*, хотя всем известны и их немазовецкие эквиваленты *blawatek* и т. д. Некоторые из этих малопольских форм отступают (например, *kwaśne mleko*), но, с другой стороны, малопольско-великопольское *ścieżka* в последнее время вытеснило в Варшаву мазовецкое *steczka*.

Несомненно, что в настоящий момент на формировании общепольского письменного и устного языка оказывает влияние разговорный язык варшавской интеллигенции, однако и в этом языке чисто мазовецких элементов относительно немного. В самой Варшаве се-

¹ Как это стало известно из докладов Роспонда, Курашкевича и других на «Сессии Возрождения».

годня уже режет слух произношение *lyst, lypa*, до второй мировой войны очень часто встречавшееся в речи варшавской интеллигенции; обычные еще перед первой мировой войной формы типа *rekaty, pogaty* совершенно исчезли из речи интеллигентных варшавян.

4

Как уже говорилось выше, чешское влияние на польский литературный язык совершенно прекратилось в конце XVI в. Но еще в первой половине этого столетия наметилось другое влияние, а именно — украинское. Нужно помнить, что в состав Речи Посполитой тогда входили огромные украинские территории, и это не могло не отразиться на положении обоих языков — польского и украинского. Белоруссия тоже целиком входила в границы Речи Посполитой, однако она принадлежала не Польше, а Литве, что частично ослабляло влияние белорусского языка на тогдашний польский.

До недавнего времени господствовало мнение, что восточнославянские языки начали оказывать влияние на польский литературный язык только в XVII в. А Брюкнер, например, утверждал, что у Рея есть только чехизмы, но нет украинизмов, хотя он и родился над Днестром. Вопрос этот был пересмотрен уже в последнее десятилетие С. Грабцом¹, который неопровержимо доказал, что украинизмы есть не только у Рея и у уроженца польско-украинской пограничной области Берната из Люблина, но даже и у великополянина Клёновица, который долгое время жил в Люблине.

Украинское влияние, несомненно еще слабое в XVI в., в огромной степени усиливается в XVII в. Произведения тогдашних польских писателей ясно показывают, что украинский язык был знаком значительной части польской шляхты, даже происходящей из исконно польских земель (Збигневу Морштыну, Вацлаву Потоцкому и др.). Этому немало способствовали казацкие и турецкие войны и долгая военная служба польской шляхты на «окраинах». Однако были еще и другие причины распространения украинизмов (потом и белорусизмов, которые, впрочем, трудно отличить от украинизмов). Ведь многие могущественные знатные роды Речи Посполитой в XVII в. и позднее происходили из Украины или из Литвы (где, как известно, доминировал не литовский язык, а белорусский).

Из Украины или из Белоруссии происходили Вишневецкие, Радзивиллы, Сапегы, Сангушки, Острогские, Чарториские и др. — владельцы колоссальных имений на «окраинах», содержавшие собственные дворы и целые войска. Из этих родов вышло три короля (Вишневецкий, Собеский, Понятовский), из «окраин» происходил гетман Жулкевский и т. д. и т. п. Все эти люди говорили на польском языке, который возник на украинской и белорусской почве и содержал много «окраинных» слов. Однако именно этот «окраинный» польский язык и приобрел все больший и больший вес, потому что на нем говорили наиболее богатые и наиболее влиятельные в Речи Посполитой люди, а также и их окружение. Поэтому нас не должны удивлять слова поэта Корчинского о том, что польский язык с украинским произношением звучит как-то красивее.

Восточнославянское влияние продолжало расти еще и в период Просвещения. Из «окраин» происходили не только сам король и высшие магнаты, но и главные писатели эпохи Станислава (Парушевич, Князьнин, Карпинский, Красицкий, Немцевич, Богомолец и др.). На четверговых обедах Станислава-Августа звучал, повидимому, прежде всего «окраинный» польский язык.

¹ S. Grabec, *Elementy kresowe w języku niektórych pisarzy polskich XVI i XVII w. Toruń, 1949.*

Чешское влияние отличалось от восточнославянского прежде всего тем, что осуществлялось главным образом через письменность, сначала рукописную, потом печатную; восточнославянское влияние шло исключительно путем восприятия на слух: через разговоры с «окраинниками». Поэтому неудивительно, что восточнославянские языки в известной степени воздействовали на фонетическую систему польского языка. Как убедительно показал К. Нитш в своем капитальном труде «Из истории польских рифм»¹, именно это влияние способствовало исчезновению в литературном польском языке суженного *a*, в то время как рефлексы этого *á*, отличные от *a* не суженного, до сегодняшнего дня сохранились в окрестностях всех важнейших польских культурных центров (Краков, Варшава, Познань). Восточнославянское влияние обусловило замену давнего польского *s* из *tj* звуком *sz* в определенных морфологических категориях, прежде всего в суффиксе *-icz* (совр. *panicz, królewicz*, раньше *panic, królewic*), затем в формах типа *szepcze, depcze* (в настоящее время, правда, избегаемых в литературном языке), в формах типа *roboczy, ochoczy* и т. д. Вопрос об этом новом *sz* в польском литературном языке лучше всего разработан Граппэном в его работе «Введение в изучение польского языка. Фонетика»².

«Окраинное» влияние ощущалось также благодаря творчеству Мицкевича, Словацкого и поэтов «украинской школы». Благодаря этому влиянию в польский литературный язык вошло и в известной степени закрепилось некоторое количество неизвестных ранее слов, таких, как *ruszaj, zioło* и т. д.

Итак, мы рассмотрели в общих чертах роль отдельных польских диалектов, а также соседних славянских языков (чешского, украинского и белорусского) в процессе формирования польского литературного языка — сначала письменного, а потом устного. Необходимо коснуться еще нескольких вопросов, связанных с нашей проблемой. Один из них — это вопрос о действительном или мнимом упадке или даже распаде литературного языка, якобы наметившемся в XVII в. и длившемся вплоть до эпохи Просвещения.

С моей точки зрения, распространенное мнение о наличии этого упадка не является справедливым. Упадок польской культуры в XVII в. был причиной обеднения и обмельчания содержания литературных произведений, снижения их художественной формы, однако никак не ликвидации единого образия норм литературного языка, обязательных и в дальнейшем на территории всего государства. Такие поэты, как Вацлав Потоцкий, который упорно пользовался определенными южнопольскими диалектизмами (и не только для характеристики своих персонажей), были единичными исключениями. Поэты-горожане первой половины XVII в. употребляют диалектизмы для высмеивания крестьян; это свидетельствует лишь об отчетливом ощущении различия между говором и литературным языком. Слов нет, в тогдашней письменности отмечаются известные малопольские, мазовецкие и другие областные элементы, однако такие местные разновидности литературного языка в достаточной мере известны и в настоящее время. В качестве доказательства упадка языка XVII в. ссылаются на неумеренное употребление макаронизмов. Нужно, однако, помнить, что их употребляли только в прозе и иногда для шутки в поэзии. Следовательно, макаронизмы никогда не были значительным элементом в литературном языке, и каждый поэт притом умел обходиться без них.

¹ K. Nitsch, Z historii polskich rymów, Warszawa, 1912.

² H. Grappin, Introduction phonétique à l'étude de la langue polonaise, Paris, 1944.

Доказательством упадка литературного языка считаются также мазуракающие и «сандомирские» рифмы у разных поэтов XVII в. Во-первых, нужно еще доказать, что в графике печатных текстов того времени, содержащих эти рифмы, последовательно проводилось различие *s*, *z*, *sz* и *sz*, *z*, *cz*, *dź*, а также *ę* и *e*; ведь, как мы уже говорили, в XVI в. проходила нормализация письменного языка, но не устного. Во-вторых, это был тот период, когда распространявшиеся известные фонетические изменения были еще актуальными; так было, вероятно, с исчезновением *ę* в северной Малопольше, возможно также и с мазуреньем в части Малопольши. Вместо давних норм XVI в. теперь во многих случаях появляются новые, распространяющиеся на всю территорию Польши, что опять-таки представляет собой нормальное явление и несколько не свидетельствует о «распаде» языка. Так, например, новое *bardzo* побеждает прежнее *barzo*, вместо прежнего *nã* распространяется новое *naj*- (*najlepsz*у; влияние Варшавы?). Впрочем такие диалектизмы, которые находят свое выражение в мазуракающих и «сандомирских» рифмах, исчезают на протяжении XVII в., а в XVIII в. их, видимо, не употребляет уже никто, даже в период наибольшего культурного упадка в саксонскую эпоху. Это указывает, однако, на продолжающееся укрепление и нормализацию литературного языка. Не нужно при этом забывать, что хотя основные превосходные краковские типографии XVI в. пришли в этот период в упадок, а частично даже совсем исчезли, именно в саксонскую эпоху, даже в захолустных местностях, возникло много типографий, которые печатали религиозную литературу, а также панегирики, эпитафии и т. п. Несмотря на низкий уровень этой письменности, она имела широкий круг читателей и уже тем самым способствовала распространению норм литературного языка.

Век Просвещения, эпоха Станислава принесли с собой сознательную культуру языка, заботу об устранении макаронизмов, выработку научной и технической терминологии и т. д. В это же время появляется грамматика Кошчицкого, которую в сокращенном издании ввели даже в начальные школы. Польский язык становится предметом изучения как в начальных, так и в высших школах. Несмотря на неблагоприятные условия в период разделов Польши, сознательная работа над языком продолжается. Даже в период разделов литературный язык не обнаруживает никакой тенденции к разложению, наоборот, он скорее становится более монолитным и общераспространенным. Распространению литературного языка значительно усилилось в Польше в XX в. (в период «двадцатилетия») в результате введения польских школ (которые, правда, никогда не охватывали всей молодежи школьного возраста) почти на всей польской территории. В настоящее время в Народной Польше проводится полная ликвидация неграмотности. Огромное увеличение числа читателей книг и газет и радиослушателей способствуют тому, что литературный язык распространяется необыкновенно быстро, а народные диалекты находятся на грани полного исчезновения.

Легко заметить, что в развитии польского литературного языка не было скачков. Несомненно, что если установление общих норм в XIV и XV вв. протекало медленно, то наступившее убыстрение темпа этого процесса в XVI в. было связано с введением книгопечатания и сознательной деятельностью печатников. Дальнейшая периодизация уже зависит от того, какую сторону литературного языка мы будем иметь в виду. За период со времени эпохи Просвещения язык польской народности сменился языком польской буржуазной нации, однако эта смена означает изменение фонетической и морфологической и синтаксической структуры. Если принимать во

внимание стиль литературных произведений, то нужно будет отличать период Возрождения, скорее пуристический, от периода макаронизмов (XVII в. и саксонская эпоха), распространенных, впрочем, только в прозе, и от повторного периода пуризма в письменном языке при одновременной моде на французские макаронизмы в языке устном (эпоха Станислава и позже). Наконец, необходимо также учитывать включение в поэзию эпохи романтизма народных элементов (скорее, впрочем, «окраинных», чем исконно польских).

Если говорить о внешнем влиянии, то в общих чертах можно противопоставить период чешского влияния периоду «окраинного» влияния и период влияния латинского языка периоду влияния языка французского и т. д. Периоды развития литературного языка, выделяемые на основании различных критериев, будут иногда совпадать друг с другом.

Последнее замечание: вполне понятно, что я не привел здесь даже приблизительно полной библиографии вопроса. Читатель найдет ее в ценном труде Курашкевича «Происхождение польского литературного языка в свете данных исторической диалектологии»¹. Полную библиографию трудов проф. К. Нитша, из которых многие непосредственно или косвенно затрагивают вопросы литературного языка, содержит I том его «Избранных работ по полонистике»².

Перевел с польского

И. Оссоецкий

¹ W. Kuraszkiwicz, Pochodzenie polskiego języka literackiego w świetle wyników dialektologii historycznej, Wrocław, 1953.

² K. Nitsch, Wybór pism polonistycznych, t. I, Wrocław, 1954.